В.А. Никитин

Русская идея и взаимовлияние западного и восточного христианства

Историко-географическое и культурно-политическое разделение мира и даже одной только Европы на «Восток» и «Запад» в настоящее время весьма условно. Для России географически оказавшейся на стыке Европы и Азии, Запада и Востока, с самого начала её государственного бытия особенно характерна общность исторической и духовной жизни этих двух взаимопроникающих миров. Русское Православие, как известно, имеет общие с греческим святоотеческие корни, восходящие к эпохе единой неразделенной Церкви.

Роковую роль в возникновении предубеждения русских относительно западных христиан (латинян) имела агрессия шведских и тевтонских рыцарей против России в XIII веке.

Влияние Запада на Россию в этот период сказывалось главным образом в области ремесел и технологии, а так же военного дела. Это влияние значительно возросло при Петре I, который «прорубил окно в Европу» и открыл Россию для широкого влияния Запада. Линией раздела между западными восточным христианством (католицизмом и православием) можно было бы считать германославянскую границу, если бы не Польша, так как славяне-поляки принадлежали по преимуществу католической Церкви.

Русско-польские культурно-политические и церковные связи, весьма интенсивные в период раннего средневековья и впоследствии (XIV – XVI вв.), сыграли большую роль в процессе взаимовлияния западного и русского христианства.

С большинством памятников польского и европейского Возрождения в России познакомились лишь в XVII в., в связи с восприятием культуры барокко. В этот период традиционные черты русского и византийского средневековья в значительной степени трансформировались. Под влиянием католического Запада в русском богословии возникла так называемая «малороссийская традиция», главным представителем которой можно считать митрополита Киевского Петра Могила (XVII в.). В изданном в 1646 году требнике «Евхологион» отдельные литургические молитвословия (чины и последования) взяты из римского «Ритуала» папы Павла V (1605-1621). Литургическое влияние католического Запада на русское богослужение в этот период особенно заметно. Впрочем, «латинские литургические молитвы и идеи усваивались уже и раньше, и учаваались постепенно» (Пути русского богословия. 1937. С.48). Западное влияние на некоторых русских иерархов было очевидно и в области догматической. Под влиянием «Римского катехизиса» было составлено, например, «Православное Исповедание» (1640 – 1642) митрополита Киевского Петра Могилы.

Другой выдающийся русский богослов XVII-XVIII вв. архиепископ Новгородский Феофан Прокопович (1681-1736) находился в прямой зависимости от протестантской мысли. В своих богословских лекциях он развивает идеи, заданные немецкой реформатского богослова Аманда Поландского, автора «

Syntagma theologiae christianaе» (Ганновер, 1609). Архиепископ Феофан Прокопович был ближайшим сподвижником императора Петра I, при котором заметно усилилось влияние протестантизма в России и с особенной силой проявились трагические последствия внутреннего раскола со старообрядцами.

Сильное влияние европейской схоластики на русское богословие продолжалось до начала XIX века. Несмотря на это влияние, русское Православие в народной массе сохранило свою национальную самобытность и удержало не только традиционные византийские обрядовые формы, но и различные формы восточной аскетики и мистики. Хотя в догматическом и нравственном богословии были использованы некоторые системы латинских и протестантских авторов, они соответственным образом трансформировались на русской почве; при этом, проходя через фильтр народного благочестия, было отринуто все чуждое и неприемлимое с сфере церковной жизни. В начале прошлого века было начато преобразование духовных школ в России, преподавание на латинском языке уступило место преподаванию на русском. Усиление русского национального самосознания, безусловно было вызвано ростом патриотизма во время Отечественной войны 1812 года.

В годы, когда Россия возглавила борьбу народов Европы против наполеоновского нашествия, русская тема стала неотъемлемой частью европейской, в особенности немецкой литературы.

Убежденные в том, что только Православие обладает полнотой истины, старшие славянофилы – Алексей Хомяков, братья Иван и Петр Киреевские, братья Константин и Иван Аксаковы развили учение о православной соборности как союзе любви и свободы, призванном восстановить единство человеческого рода.

Россия, по их мысли, должна раскрыть христианскую правду о земле, деятельно-общественную правду, не раскрытую в византийском Православии. Для К. Аксакова русская история приобретала значение «всемирной исповеди». Особое место в споре славянофилов и западников принадлежит выдающемуся русскому мыслителю К.Н. Леонтьеву (1831-1891).

Леонтьев утверждал, что Россия призвана спасти разлагающуюся Европу от пороков мещанства и буржуазности, явить миру новый и высший тип цветущей культуры.

Вл. Соловьев, в отличии от Леонтьева и Данилевского, видел призвание России в отказе от национального ради универсального, в жертвенном слиянии с Европой.

Истина, как нам кажется, лежала где-то посредине – в сочетании национального и универсального, в синтезе византийского и германо-римского начал, вознесенных на новую высоту славянским духом.

Если идеализация России славянофилами и не оправдывала себя, то их критика западноевропейского рационализма и буржуазности во многом была справедлива. В этой критике они исходили из лучших достижений святоотеческой мысли, вдохновляясь духовными идеалами преподобных Исаака Сириянина, Максима Исповедника, Григория Паламы, Симеона Нового Богослова и других. Славянофилы были правы в главном: русский народ продолжал оставаться верным хранителем Вселенского Православия.

Шведский исследователь Г. Ланц, отмечая точки соприкосновения русского славянофильства с немецким идеализмом и романтизмом, справедливо пишет: «

Духовные влияния, преимущественно определявшие философскую сторону славянофильства, очевидно, тяготеют к православной богословской традиции... Славянофильство – это не патриотическое извращение немецкого идеализма и даже не реакция против современного европейского рационализма. Оно является простым и единственным продолжением религиозной традиции, господствовавшей в русской жизни со времен Владимира Святого...» (H.Lanz. The philosophy of Ivan Kireevsky. – “ Slavonic rev.” L. 1926. Vol. 4. P/594-604; цит. с. 604).

Видный русский философ профессор Лев Платонович Карсавин (1882-1952) посвятил рассматриваемой теме специальную брошюру (« Восток, Запад и Русская идея». Петроград. 1922). В ней подчеркнута, что русская религиозность и русское богоборчество являются существенными моментами проявления национального духа, которому чужд духовный индифферентизм. Увлечение проблемами метафизики, некая «врожденная» спиритуальность. Борьба с эмпиризмом и рационализмом – это по Карсавину, характерные особенности «загадочной» русской души. Отсюда и героический, я бы сказал, «мученический» характер, который присущ русской художественной литературе. Красоту русского православного человека раскрыла и показала всему миру наша классическая литература. Знакомство с ней не могло не волновать европейского читателя. Не будет преувеличением, если мы скажем об огромном, поистине эпохальном влиянии Тургенева, Толстого и в особенности Достоевского и Вл. Соловьева на целую плеяду немецких и европейских писателей, философов и деятелей культуры, начиная с конца прошлого века и до наших дней. В их числе Р. М. Рильке, Ф. Кафка, С. Цвейг, Г. Гессе, Ф. Ницше, А. Эйнштейн, А. Камю и многие другие.

Один из литературных вождей немецкого экспрессионизма К. Эдшмид заявил: « Гоголь, Чехов, Салтыков, Пушкин, Толстой, Достоевский. Они стали немецкими авторами» (Edschmid K. Das Buch-Dekameron. Berlin. 1928. S. 284). « Что европейская и во всяком случае немецкая молодежь воспринимает в качестве своего величайшего писателя Достоевского, а не Гёте и даже не Ницше, представляется мне решающим для нашей судьбы », - писал Г. Гессе (Schriften zur Literatur. Bd. 2, S. 321). В своей книге « Взгляд в хаос » (“ Blick ins Chaos”, 1920) Г. Гессе развивает мысль о взаимосвязанности исторических судеб России и Германии и их взаимовлиянии, призывает к синтезу европейской культуры с восточноазиатской « первоизданностью».

Не менее значительное влияние на немецкую теологию и мистику, в частности на основоположника антропософии д-ра Рудольфа Штейнера, оказал Вл. Соловьев (1853-1900). Называя Вл. Соловьева «величайшим философом нашего времени», Р. Штейнер писал: « Почитайте его, и вы почувствуете, как в его душу непосредственно вливается то, что можно назвать христовой инспирацией... духовный импульс Христа действует в нём вплоть до мускулов» (Лекция 2 ноября 1918 г. « Материалы для ориентации в проблемах эпохи, Т.І. Р. Штейнер о России». Штуттгарт, 1975).

Сто лет назад Вл. Соловьев поставил вопрос о смысле существования России во всемирной истории и сказал пророческие слова: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности».

Д-р Р. Штейнер в цикле своих лекций о России обращал внимание слушателей на исключительные духовные дарования русского народа, благодаря которым он «особенно способен включиться в ход развития пятой, а также шестой послееатлантической эпохи». «И сейчас ещё, - подчеркивал д-р Штейнер, - можно видеть, как в обрядах Русской Церкви просвечивает их древневосточное существо, сквозь формы Русской Церкви можно прозревать древневосточную святость и её воспринимать» (Лекция 12 марта 1916 г. Там же).

В конце XIX – начале XX века, не без влияния западной внецерковной мистики, от академического богословия в России постепенно отпочковались религиозно-философские течения, представители которых провозгласили т. н. «новое религиозное сознание», неохристианство, эпоху третьего завета – откровения Святого Духа.

Религиозно-философские собрания представителей Церкви и интеллигенции в Петербурге и в Москве в 1901 – 1904 гг. выявили и предвосхитили многие идеи и тенденции, характерные для последующего «богоискательства» и «богостроительства» как в России, так и в Западной Европе. У Роже Гароди и Тейяра де Шардена были видные предшественники на этих собраниях.

Рассвет русской богословской мысли в начале нашего столетия протекал в русле общего культурного подъема, который на Западе принято именовать «серебряным веком» русской культуры, её духовным Ренессансом. Свой творческий вклад в это движение внесли Н. Ф. Федоров и В. С. Соловьев, С. Трубецкой и Л. Лопатин, Д. С. Мережковский и В. В. Розанов, В. А. Тернавцев и А. В. Карташов, Н. А. Бердяев и священник Павел Флоренский.

Можно с уверенностью говорить о том, что к настоящему времени Запад ассимилировал многие концептуальные идеи русских религиозных мыслителей из упомянутых выше. Интерес к ним не ослабевает до сих пор. Вл. Соловьеву и Н. Бердяеву, пожалуй, посвящено наибольшее количество работ. Некоторые исследователи русской религиозной мысли отдают предпочтение К. Леонтьеву, В. Розанову или Л. Шестову. Много пишут, в частности, о влиянии Шестова, провозгласившего, что свобода духа возможна лишь в вере, на западноевропейский экзистенциализм.

Особенно оживился за последние годы на Западе интерес к творческому наследию выдающихся русских мыслителей – энциклопедистов – священника Павла Флоренского и Н. Федорова.

Наиболее известные труды П. А. Флоренского «Столп и утверждение Истины» и «Иконостас» появились в переводе на европейские языки.

Фототипическое издание «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова вышло в Англии (1970) и Швейцарии (1985). Известный экуменический богослов Оливье Клеман посвятил Федорову целый раздел в своей последней книге «Третья красота». В статье «Экуменизм и встреча Господа Грядущего» О. Клеман писал, не без влияния Федорова "Тринитарный подход к человеческой тайне – закваска единства и многообразия Церквей в Церкви, а также закваска истории, в которой одновременно взыскуются сегодня и единство рода человеческого, и специфичность каждой личности, каждой культуры". «Наша социальная программа – ТРОИЦА, - говорил Николай Федоров. – Мы также можем сказать: это наша экуменическая программа» (Единство христиан. Июль 1983. № 51. Шантйи).

Русская мечта – это мир без зла, всеобщее счастье для всех народов, а не только для русских. Такова мечта Федорова, вдохновленная идеалами Православия. В России с самого начала русской государственности, со времен князя Владимира, жило так много народов, что мечта о своем обособленном, отдельном от других народов благоустройстве воспринималась бы как недостойная мысль, как грех.

Духовное возрождение, охватившее Россию в начале нынешнего столетия, стало оказывать заметное влияние и на Европу.

Это влияние особенно усилилось в 20-е годы. Когда миллионы русских оказались в рассеянии по всему миру, но главным образом в Европе. С судьбой русского православного зарубежья оказалась тесно связана судьба Православия на Западе, взаимодействие и взаимовлияние восточного и западного христианства. В ноябре 1922 года по инициативе группы русских религиозных мыслителей, оказавшихся в Германии, в Берлине была открыта Религиозно-философская академия, провозгласившая своей задачей христианское возрождение в Европе. В программе Академии было сказано: « Никакие внешние перевороты не могут создать лучшей жизни и преобразить души людей и души народов, если не произошло духовного возрождения, если первичная воля людей и народов больна и раздроблена, не укреплена обращением к источнику жизни – Богу» («София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии». Под ред. Н. А. Бердяева. Берлин, 1923. С.136). В своей речи на открытии Академии 26 ноября 1922 г. Н. А. Бердяев указал, что в мире нарастают процессы секуляризации и дегуманизации, для противостояния которым необходимо *единение всех христианских сил Востока и Запада*.

Первое поколение русского православного Рассеяния не только не сохранило драгоценный духовный клад родной веры, но и преумножило его. Я имею в виду прежде всего Свято-Сергиевский богословский институт в Париже, основанный в 1925 г. Главой Русской Православной Церкви в Западной Европе митрополитом Евлогием (Георгиевсим). Из него вышли выдающиеся пастыри и богословы, удостоившиеся мирового признания не только в странах Западной Европы, но и в Америке. Среди них кроме протоиерея Сергия Булгакова следует назвать А. В. Карташова (1875-1960), Б. П. Вышеславцева (1877-1954), Г. П. Федотова (1886-1951), Л. А. Зандера (1893-1964), архимандрита Киприана Керна (1899-1960), В. Н. Ильина (1891- 1974), П. Н. Евдокимова (1900-1975), протоиерея Георгия Флоровского (1893-1979), протопресвитера Александра Шмемана (1921-1983). «Открытие Богословского института именно в Париже, в центре западноевропейской – не русской, но христианской культуры, - писал митрополит Евлогий, - имело большое значение: оно предначертало нашей высшей богословской школе экуменическую линию в постановке некоторых теоретических проблем и религиозно-практических заданий, ибо Православие не лежало больше под спудом, а постепенно делалось достоянием христианских народов» («Путь моей жизни». Париж, 1947. С.447). Об этом свидетельствуют, на наш взгляд, например, труды известного католического богослова о. Луи Буйе, в которых он старается дать некий синтез католической и православной догматики.

Под влиянием Свято-Сергиевского института в православие обратилось немало видных представителей западной Церкви, как, например, монах-бенедиктинец Лев Жилле, принятый в клир русским митрополитом Евлогием в 1927 г.; в течение 12

лет он возглавлял первый православный французский приход в Париже, а в последствии переехал в Англию, где духовно окормлял англо-православное содружество святого мученика Албания и Преподобного Сергия Радонежского.

Основанное в 1928 году на съезде англикано-православных студентов в городе Сент-Олбанс (близ Лондона), Содружество провозгласило своей задачей взаимное сближение восточных и западных христиан, ознакомление друг друга с опытом своей литургической жизни, обмен информацией и богословской литературой (см.: Николай Зернов. Вселенская Церковь и Русское Православие. Париж, 1952. С. 316).

В начале 20-х годов нашего столетия волны русской эмиграции докатились и до западного побережья Америки (штат Калифорния). Православные приходы, возникшие здесь, как и в странах Европы, были первоначально почти все русскими. К настоящему же времени появилось немало приходов, членами которых являются православные американцы, французы, немцы и представители других национальностей, на языке которых стало совершаться богослужение. Не так давно, в феврале 1979 г., в Православную Церковь вступили две католические общины (мужская и женская), основавшие общину Новый Скит под руководством иеромонаха Лаврентия Манкузо близ г. Кембриджа в штате Нью-Йорк, США. Несколько ранее, в 1977 г., в Православие перешла группа группа католических монахов во главе с о. Плакидой Десей. Они основали первое на Западе Афонское подворье (в юрисдикции Константинопольского Патриарха). Таким образом, Православие пустило глубокие корни на разных континентах. Дух общинности, свойственный славянам, дух покаяния и примирения, который несет всюду Православная Церковь, постепенно находит выражение в современном экуменическом мышлении. Миротворчество, являющееся сейчас главной, стержневой идеей экуменизма, идет с Востока, из недр Православия.

Протоиерей Сергей Булгаков в своей работе «Россия, эмиграция, Православие» (1925) писал: «Мы встретились с Европой на равной почве, ибо мы уже не смущаемся перед нею, чувствуя свое достоинство, и это чувство приобретено нами за последние годы. Оба наши направления – западничество и славянофильство рождались из ложного и не-должного пафоса расстояния между православной Россией и Европой. Но теперь мы знаем, что есть почва, на которой мы можем встретиться как равные – как разные ветви одного и того же христианского дерева», «ибо нет другой воли к распространению Православия кроме радостного приглашения духовно с нами жить, с нами молиться и дышать с нами одним воздухом». В приведенных словах прекрасно выражено отношение Русской Православной Церкви к инославному миру, проникнутое духом любви к единоверным братьям во Христе.

В современном мире, который становится как никогда великим и одновременно чрезвычайно малым, угрожая сжаться в комок термоядерного пепла, стремление всех христиан и всех людей доброй воли к единству «поверх барьеров» (Б. Пастернак) все возрастает, и это обнадеживающий знак. С исключительной убедительностью звучат сегодня крылатые слова, сказанные в прошлом веке выдающимся русским иерархом митрополитом Киевским Платоном (Городецким, 1803-1891): « Наши земные перегородки до неба не достигают». Благодаря экуменическому движению изжиты и уходят в прошлое многие элементы межконфессионального предубеждения и отчуждения. « В настоящее время, -

справедливо отмечает протоиерей Иоанн Мейендорф, - Православие уже не является «восточной» Церковью и будет ею все меньше и меньше, так же как западное христианство перестает быть только «западным» (Вестник Русского Западно-европейского Патриаршего Экзархата. 1963. № 42-43. С. 163).

Духовное различие между Востоком и Западом, конечно, будет сохраняться в самом стиле их религиозной жизни, в особенностях традиционного богослужебного строя. Несмотря на принадлежность к различным социально-политическим «блокам», Восток и Запад связаны единым могучим духовным полем христианства. Сосуществуя в одном историческом времени, они оказывают друг на друга все возрастающее взаимное влияние.